

О чем говорят русалки

колесо обозрения

И опять тут не было враща, а был только массажист (но хоть кровь не брали на анализ, хоть и странно: именно теперь никто бы и не удивился: ну как не взять?), который, впрочем, отвлёкся на группу в полосатых купальниках (по-моему, именно полосатых), собравшуюся здесь же, рядом с выходом к бассейну. Это была группа наших синхронисток, которым предстоит завоевывать, уже не побоюсь этого слова, еще одно золото. Совсем юные девушки (Ищенко и Ромашина годятся не в матери, конечно, но в очень старшие сестры) выглядели из-за спин волонтеров, что там, снаружи, происходит, и я видел, как они, выгнувшись, пели потом российский гимн: заученно и страстно. Заучили, похоже, недавно (и, видимо, репетировали перед своим собственным выступлением), а страсть в них еще пока, в отличие от старших, бушует, да и все.

И когда они потом обнимали и целовали Ищенко и Ромашину, я видел, как они плачут, эти то ли девочки, а то ли просто видение (ну да, они такие маленькие и хрупкие, что кажется, просвечивают...).

Плакали ли при этом Ищенко и Ромашина, совершившие очередной спортивный подвиг в своей биографии? Догадаться сами, это очень легко. Через пару минут пришла, как обещала, и Татьяна Данченко. Мы сидели в небольшом холле, где готовятся к выступлению. Стены в нем были из зеркал, вот что обращало на себя внимание (то есть я себя отовсюду видел).

Не так уж много у меня, сначала мне казалось, было вопросов.

— Как можно в такой ситуации объяснить и девушкам, и себе, что надо выигрывать? Проводить в бассейне каждый день по десять часов?.. Что надо сказать им и себе? Ведь выиграно давно все — и столько... — Да ничего не надо, — пожал плечами Данченко. — Они сами себе все могут сказать. И давно сказали. Они сами все решили. Их не пришлось уговаривать. И это самое хорошее в том, что происходит.

— Сколько лет назад? Два? — Мы держимся, — сказала она, — за счет того, что планируем на один год. То есть после лондонской Олимпиады Света Ромашина решила, что она еще год поплавать, сделала дуэт со Светланой Колесниченко... Света Ромашина сделала соло, это был дебют на мировой арене... Все было замечательно... На следующий год дуэт был вообще другой, но была только Европа... А потом Наташенька, которая рожала ребенка и вышла из декрета, решила, что она хочет выступать на Олимпиаде. Да, можно сказать, что мы за два года решили... Так что не надо их было мотивировать вообще!

— Но разве тут не было проблемы? Ведь Света должна была сказать напарнице, что пришла настоящая напарница... И что та должна была делать?

— Нет, не было никакой проблемы. Наташа, когда уходила, говорила, что она просто берет паузу, так что Света Колесниченко все прекрасно понимала... — И все равно надеялась. У нее же был шанс выиграть Олимпиаду. — Она до самой Олимпиады была нашей запасной, — произнесла Татьяна Данченко.

То есть до самой Олимпиады она и надеялась.

— Света Колесниченко слишком хорошо все понимала, — вздохнула Данченко. — Ничего такого даже не обсуждалось. И еще раз говорю, не надо было их мотивировать. Моя задача была только найти образ, придумать, где искать музыку... Я в этот раз придумала, что музыку будем писать... — Все вместе?

— Ну не мы, конечно, а найдем композитора, который напишет нам музыку для образа, который решили делать. И я ездила к композитору... — А где вы его нашли? Ведь их, мне кажется, столько, что найти нужного просто невозможно.

— Случайно... Хотя, с другой стороны, я считаю, на все воля божья... Одна моя подруга, бывшая синхронистка, которая живет во Франции, познакомила меня в Москве с композитором, который пишет музыку для всех цирков... — Цирков?..

— Именно! И когда мы придумали образ русалок, то начали думать, где взять музыку под это дело... — Так... — на меня обрушилось все больше информации. — А как вы придумали образ русалок?.. — Мозговой штурм!.. Сидели, перебирали все, что делали раньше и что нельзя повторить... — А ведь было, наверное, все за эти годы... Только нельзя поверить, что именно русалок не было. Направляется же!.. Вода, русалки... —

Светлана Ромашина (слева) и Наталья Ищенко (справа) на этой Олимпиаде работали русалками
ФОТО ДМИТРИЯ КОРОТАЕВА

— Ни у кого не было... У наших сильнейших соперниц не было, мы это тоже перебрали, потому что нельзя повториться... И подумали: вот, чего мы точно не делали? Русалки!

— За столько лет никто не подумал про русалок? Синхронистки — они же и есть русалки! Это вам любой скажет!

— Очень трудно такой образ обыграть, — сказала Данченко. — Дельфинов легче, например... — И кто придумал такой трудный образ?

— Кто-то из девочек первый сказал... продолжила она, уже не обращая на меня внимания. — Я им говорю: «Ох, можно, конечно, попробовать...» И что эти русалки? Вот хвост у них... Что с этим хвостом делать?.. Обыгрывать надо... Ну ладно, русалки коварно лоблят, заманивают... Ладно, медленную часть я еще могу представить. Но быстро!..

— А кого русалки должны коварно заманивать? — не понял я.

— Как кого? Судей... — пояснила Данченко. — И пошли, пошли заманивать... Короче, решили писать под это музыку... Написала в Facebook подруге, чтобы она дала контакт этого композитора... Созвонилась с ним, очень приятный оказался мужчина... — Хоть и цирковой... — Именно потому, что цирковая... оборвала она меня. — Согласился, написал... Мне нужна была классическая сказка про русалок. Не модная какая-нибудь, не дай бог... Чтобы прямо читалась эта сказка... Чтобы всплески воды читались, чайки... Сначала темп, потом про любовь... — Коварную. Русалочью. — Именно! Потом финал... — Финал всегда печальный... — Не в нашем случае! — воскликнула Данченко. — Апофеоз! Никто не успеет даже понять, печальный он или счастливый!

— Конечно... — пробормотал я. — Не успеешь ничего понять — и вот он, финал этот всегда... — Мы долго с ним трудились, — кивнула Данченко. — С Михаилом Экимяном.

— Отчаянный человек... Взясая за это... Такое только в цирке бывает... — И у нас в синхронном плавании. Потом я позвала девочек. Я очень боялась... Но девочкам, слава богу, понравилось... И все, начали работать!

— Русалками... — понял я.

Многое уже становилось понятным.

— Были два такие места, которые долго-долго-долго мучили... —

— Кого мучили? — не понял я. — Зачем? А, ну русалки же... — Места мучили, — терпеливо повторила Татьяна Данченко... — Места мучили нас, а мы мучили места... — Как это все мучительно... Русалочки эти дела... — В итоге нашлись решения. — А вот еще одна русалка... — Не мог успокоиться я. — Она как ко всему этому относилась?

— Нормально, — успокоила меня Данченко. Она же в группе стояла... — А, русалок... Целая группа русалок уже была... — Да нет, другая группа. — у Данченко сегодня было счастье, так что она прошла все все это.

— Может, она догадывалась, что я просто слишком близко принимаю все это к сердцу... — Колесниченко в группе стояла... Оговаривалось же с самого начала, что если возвращается Наташа, то дуэт восстанавливается в прежнем составе... — Только тогда никто не знал, что это дуэт русалок... В том числе и русалки... — Я уже легко подхватывал тему русалок.

Чудились всплески воды, крики чаек и, к сожалению, людей... — Я понимаю, о чем вы на самом деле. Наверное, ей и правда хотелось все. Но она девочка очень разумная и понимающая. Поэтому никаких у нас не было ни разговоров, ни обид... — Тут все-таки, наверное, по-другому. Если разговоров никаких вообще не было, то обиды какие-то должны были появиться... — А вы верили, что Наташа вернется? — прямо спросил я. — Ведь это дело такое... Русалочье... — Вообще для меня это была такая радостная неожиданность! — наконец призналась Татьяна.

— Потому что уже, значит, не верила. — Вот честно! Уже почти два года прошло!.. — сказала она. — Это ведь две мои родные девочки!.. Хотя этого времени она пропустила полтора года. За полгода до возвращения она уже начала плавать.

— Конечно... Бывших русалок не бывает... — не мог отговориться я... Хорошо, что Данченко уже совсем перестала обращать на меня внимание.

— Она, видимо, решила, что она еще может, что она еще в силах... У меня единственная просьба была: давайте начнем после Казани (после чемпионата мира по водным видам спорта. — А. К.). Потому что мы все равно на год планируем... Идем так идем. Скажем себе это и идем. Я им сказала: «Девочки, сильнее вас никого нет. То есть мы должны только сделать свою работу, как мы можем, умеем и знаем, и вы выигрываете Олимпиаду». Все им это говорили, а не только я, заинтересованное лицо: что они впереди планеты всей!..

— Как будто они сами были в этом не уверены... — И это тоже... Впереди планеты всей на три с половиной головы, — напрасно уточнила Данченко.

— Для вас ведь это тоже было возвращение к великой жизни, к великим идеям, которые, впрочем, и так были давно и не реализованы... — Безусловно, — подтвердила тренер.

— Колесниченко — тоже ваша спортсменка? — Нет, — сказала она, — мне ее одолжили в дуэт... Очень она подходила по фактуре, по голове по хорошей... Я уж не стал уточнять, физически она походила по голове или фигурально, чтоб не показаться совсем уж идиотом.

— Зачем же нужно все-таки было в такой ситуации обязательно возвращаться? — снова спросил я. — Что же это за отравка такая? — Их спросите обязательно. Когда человек чувствует, что он еще не наелся, не наплавался... — Вы считаете, что они не наплавались? После всего, что было? Сколько они плавали? — Перед Олимпиадой — около десяти часов в день... Нет, я не про то, что не наплавались на тренировках, — вздохнула Данченко. — Понятно, что тренировки — самая тяжелая, самая нудная часть этого, которую только можно представить. Яркие вспышки бывают не чаще двух раз в год: Европа, мир... Европа, Олимпиада... Все остальное — это абсолютная нуждятина, в которой постоянно преодоление себя через не могу, через не хочу... И, конечно, они не выляли желанием этой работы. Они пылали желанием... Она задумалась, подбирая слова. — Стоять на пьедестале, — подсказал я.

— Да. Выиграть Олимпиаду. Плюс еще они же не одолжение кому-то делают, что они вернулись в спорт, медаль завоевали... Нет, это их работа. То есть они каждый день ходят на работу. — То есть Наташа, кроме всего прочего, просто вышла на работу, — понял я.

— И получает за это зарплату, — подтвердила тренер. — Это выбор их работы на ближайшие год-два. — А работа у них — выигрывать Олимпиады, — закончил я.

Все наконец полностью разъяснилось. — Если бы их кто-то поджал в Казани или начались бы разговоры, что они сдадут... Но в Казани они настолько блестяще выступили... Так что в Казани Данченко еще и проверяла их.

— В Казани все специалисты из разных стран говорю, что они настолько круты... — Просто все уже подзабыли, как это может быть... —

— Кого мучили? — не понял я. — Зачем? А, ну русалки же... — Места мучили, — терпеливо повторила Татьяна Данченко... — Места мучили нас, а мы мучили места... — Как это все мучительно... Русалочки эти дела... — В итоге нашлись решения. — А вот еще одна русалка... — Не мог успокоиться я. — Она как ко всему этому относилась?

— Нормально, — успокоила меня Данченко. Она же в группе стояла... — А, русалок... Целая группа русалок уже была... — Да нет, другая группа. — у Данченко сегодня было счастье, так что она прошла все все это.

— Может, она догадывалась, что я просто слишком близко принимаю все это к сердцу... — Нормально, — успокоила меня Данченко. Она же в группе стояла... — А, русалок... Целая группа русалок уже была... — Да нет, другая группа. — у Данченко сегодня было счастье, так что она прошла все все это.

— Может, она догадывалась, что я просто слишком близко принимаю все это к сердцу... — Нормально, — успокоила меня Данченко. Она же в группе стояла... — А, русалок... Целая группа русалок уже была... — Да нет, другая группа. — у Данченко сегодня было счастье, так что она прошла все все это.

— Может, она догадывалась, что я просто слишком близко принимаю все это к сердцу... — Нормально, — успокоила меня Данченко. Она же в группе стояла... — А, русалок... Целая группа русалок уже была... — Да нет, другая группа. — у Данченко сегодня было счастье, так что она прошла все все это.

— Может, она догадывалась, что я просто слишком близко принимаю все это к сердцу... — Нормально, — успокоила меня Данченко. Она же в группе стояла... — А, русалок... Целая группа русалок уже была... — Да нет, другая группа. — у Данченко сегодня было счастье, так что она прошла все все это.

— Может, она догадывалась, что я просто слишком близко принимаю все это к сердцу... — Нормально, — успокоила меня Данченко. Она же в группе стояла... — А, русалок... Целая группа русалок уже была... — Да нет, другая группа. — у Данченко сегодня было счастье, так что она прошла все все это.

— Может, она догадывалась, что я просто слишком близко принимаю все это к сердцу... — Нормально, — успокоила меня Данченко. Она же в группе стояла... — А, русалок... Целая группа русалок уже была... — Да нет, другая группа. — у Данченко сегодня было счастье, так что она прошла все все это.

— Может, она догадывалась, что я просто слишком близко принимаю все это к сердцу... — Нормально, — успокоила меня Данченко. Она же в группе стояла... — А, русалок... Целая группа русалок уже была... — Да нет, другая группа. — у Данченко сегодня было счастье, так что она прошла все все это.

— Может, она догадывалась, что я просто слишком близко принимаю все это к сердцу... — Нормально, — успокоила меня Данченко. Она же в группе стояла... — А, русалок... Целая группа русалок уже была... — Да нет, другая группа. — у Данченко сегодня было счастье, так что она прошла все все это.

— Может, она догадывалась, что я просто слишком близко принимаю все это к сердцу... — Нормально, — успокоила меня Данченко. Она же в группе стояла... — А, русалок... Целая группа русалок уже была... — Да нет, другая группа. — у Данченко сегодня было счастье, так что она прошла все все это.

— Может, она догадывалась, что я просто слишком близко принимаю все это к сердцу... — Нормально, — успокоила меня Данченко. Она же в группе стояла... — А, русалок... Целая группа русалок уже была... — Да нет, другая группа. — у Данченко сегодня было счастье, так что она прошла все все это.

— Может, она догадывалась, что я просто слишком близко принимаю все это к сердцу... — Нормально, — успокоила меня Данченко. Она же в группе стояла... — А, русалок... Целая группа русалок уже была... — Да нет, другая группа. — у Данченко сегодня было счастье, так что она прошла все все это.

— Может, она догадывалась, что я просто слишком близко принимаю все это к сердцу... — Нормально, — успокоила меня Данченко. Она же в группе стояла... — А, русалок... Целая группа русалок уже была... — Да нет, другая группа. — у Данченко сегодня было счастье, так что она прошла все все это.

— Может, она догадывалась, что я просто слишком близко принимаю все это к сердцу... — Нормально, — успокоила меня Данченко. Она же в группе стояла... — А, русалок... Целая группа русалок уже была... — Да нет, другая группа. — у Данченко сегодня было счастье, так что она прошла все все это.

— Может, она догадывалась, что я просто слишком близко принимаю все это к сердцу... — Нормально, — успокоила меня Данченко. Она же в группе стояла... — А, русалок... Целая группа русалок уже была... — Да нет, другая группа. — у Данченко сегодня было счастье, так что она прошла все все это.

— Может, она догадывалась, что я просто слишком близко принимаю все это к сердцу... — Нормально, — успокоила меня Данченко. Она же в группе стояла... — А, русалок... Целая группа русалок уже была... — Да нет, другая группа. — у Данченко сегодня было счастье, так что она прошла все все это.

— Может, она догадывалась, что я просто слишком близко принимаю все это к сердцу... — Нормально, — успокоила меня Данченко. Она же в группе стояла... — А, русалок... Целая группа русалок уже была... — Да нет, другая группа. — у Данченко сегодня было счастье, так что она прошла все все это.

— Может, она догадывалась, что я просто слишком близко принимаю все это к сердцу... — Нормально, — успокоила меня Данченко. Она же в группе стояла... — А, русалок... Целая группа русалок уже была... — Да нет, другая группа. — у Данченко сегодня было счастье, так что она прошла все все это.

— Может, она догадывалась, что я просто слишком близко принимаю все это к сердцу... — Нормально, — успокоила меня Данченко. Она же в группе стояла... — А, русалок... Целая группа русалок уже была... — Да нет, другая группа. — у Данченко сегодня было счастье, так что она прошла все все это.

— Может, она догадывалась, что я просто слишком близко принимаю все это к сердцу... — Нормально, — успокоила меня Данченко. Она же в группе стояла... — А, русалок... Целая группа русалок уже была... — Да нет, другая группа. — у Данченко сегодня было счастье, так что она прошла все все это.

— Может, она догадывалась, что я просто слишком близко принимаю все это к сердцу... — Нормально, — успокоила меня Данченко. Она же в группе стояла... — А, русалок... Целая группа русалок уже была... — Да нет, другая группа. — у Данченко сегодня было счастье, так что она прошла все все это.

— Может, она догадывалась, что я просто слишком близко принимаю все это к сердцу... — Нормально, — успокоила меня Данченко. Она же в группе стояла... — А, русалок... Целая группа русалок уже была... — Да нет, другая группа. — у Данченко сегодня было счастье, так что она прошла все все это.

— Может, она догадывалась, что я просто слишком близко принимаю все это к сердцу... — Нормально, — успокоила меня Данченко. Она же в группе стояла... — А, русалок... Целая группа русалок уже была... — Да нет, другая группа. — у Данченко сегодня было счастье, так что она прошла все все это.

— Может, она догадывалась, что я просто слишком близко принимаю все это к сердцу... — Нормально, — успокоила меня Данченко. Она же в группе стояла... — А, русалок... Целая группа русалок уже была... — Да нет, другая группа. — у Данченко сегодня было счастье, так что она прошла все все это.

— Может, она догадывалась, что я просто слишком близко принимаю все это к сердцу... — Нормально, — успокоила меня Данченко. Она же в группе стояла... — А, русалок... Целая группа русалок уже была... — Да нет, другая группа. — у Данченко сегодня было счастье, так что она прошла все все это.

— Может, она догадывалась, что я просто слишком близко принимаю все это к сердцу... — Нормально, — успокоила меня Данченко. Она же в группе стояла... — А, русалок... Целая группа русалок уже была... — Да нет, другая группа. — у Данченко сегодня было счастье, так что она прошла все все это.

— В дуэте, — уточнила Татьяна Данченко. — А если мы настолько крутые, то чего бы еще раз не показать эту крутость?

— А когда Наташа сказала вам, что уходит, то... Она же не знала на самом деле, уходит или паузу делает. А если бы пауза затянулась, это означало бы, что она уходит... — Паузу делает, — поправила меня тренер.

— Она хотела забеременеть и родить ребенка — и забеременела. Она в браке уже давно... Она планировала ребенка... К 30 годам уже пора... Она говорит: «Если я не смогу забеременеть до такого-то срока, то я еще год отвыступаю. Если забеременею — ну извините тогда...» — То есть забеременела... — констатировал я.

— И вернулась. Чудеса случаются. Так что и работа, и не только работа... — Я понял про работу. Тем более что другой работы и не было... — Это тоже, кстати... Но можно было пойти в федерацию работать, в судейство... — Мать какая... Не русалочье это дело... У русалок другая мать... В мутной омут... С головой... Дуэтом с кем-то... — Все так, — подтвердила она.

— А вот Фелпс, например. — Да-да, — оживилась она, — Фелпс.

— Он тоже продолжал и продолжал. И за свою работу получал чудовищные деньги. А вы же нет. Вы же боретесь за 4 млн призовых. Это за первое место. И 2,5 млн за второе... Хотя это и не про вас... То есть это история не про деньги для вас уж точно.

— Про деньги тоже, — не согласилась Данченко. — Потому что это спорт-то некоммерческий, и нам эти премии будут совсем нелишними, хоть по сравнению даже с Украиной или Белоруссией, или с любой страной на постсоветском пространстве сейчас какие-то такие... — Потому что зафиксировали вдруг в рублях... — Я был в курсе.

— И получилось, что смешные, — закончила Данченко. — Такого не было никогда. Почему-то всем с удорожением жизни призовые поднимают, во всех странах мира, и только у нас — опускаются. Вот это, конечно, странно для нашей страны, которая позиционирует себя как не самая бедная... И патриоты все... И олимпийских чемпионов-то у нас не так много... А ценность медали в такой нервной ситуации так возрастает... Ведь как мы готовились... Это отдельная песня... Ведь когда началась вся эта трясучка с Олимпиадой... Когда было просто невозможно заставить себя встать и поехать на работу... Невозможно... Девочки не могли заставить себя прыгать в воду... Не понимали, поедут на Олимпиаду, не поедут... Эта неделя, когда ждали, как решится... А тренироваться-то надо! Мы неделю пропускаем — все, у нас синхрон больше нет! Синхрон полностью уходит... Я вспомнил Юлю Ефимову, которая перестала плавать и искала в Рио бассейны и гостиницы и не находила... — Да. Выиграть Олимпиаду. Плюс еще они же не одолжение кому-то делают, что они вернулись в спорт, медаль завоевали... Нет, это их работа. То есть они каждый день ходят на работу. — То есть Наташа, кроме всего прочего, просто вышла на работу, — понял я.

— И получает за это зарплату, — подтвердила тренер. — Это выбор их работы на ближайшие год-два. — А работа у них — выигрывать Олимпиады, — закончил я.

Все наконец полностью разъяснилось. — Если бы их кто-то поджал в Казани или начались бы разговоры, что они сдадут... Но в Казани они настолько блестяще выступили... Так что в Казани Данченко еще и проверяла их.

— В Казани все специалисты из разных стран говорю, что они настолько круты... — Просто все уже подзабыли, как это может быть... —

— В дуэте, — уточнила Татьяна Данченко. — А если мы настолько крутые, то чего бы еще раз не показать эту крутость?

— А когда Наташа сказала вам, что уходит, то... Она же не знала на самом деле, уходит или паузу делает. А если бы пауза затянулась, это означало бы, что она уходит... — Паузу делает, — поправила меня тренер.

— Она хотела забеременеть и родить ребенка — и забеременела. Она в браке уже давно... Она планировала ребенка... К 30 годам уже пора... Она говорит: «Если я не смогу забеременеть до такого-то срока, то я еще год отвыступаю. Если забеременею — ну извините тогда...» — То есть забеременела... — констатировал я.

— И вернулась. Чудеса случаются. Так что и работа, и не только работа... — Я понял про работу. Тем более что другой работы и не было... — Это тоже, кстати... Но можно было пойти в федерацию работать, в судейство... — Мать какая... Не русалочье это дело... У русалок другая мать... В мутной омут... С головой... Дуэтом с кем-то... — Все так, — подтвердила она.

— А вот Фелпс, например. — Да-да, — оживилась она, — Фелпс.

— Он тоже продолжал и продолжал. И за свою работу получал чудовищные деньги. А вы же нет. Вы же боретесь за 4 млн призовых. Это за первое место. И 2,5 млн за второе... Хотя это и не про вас... То есть это история не про деньги для вас уж точно.

— Про деньги тоже, — не согласилась Данченко. — Потому что это спорт-то некоммерческий, и нам эти премии будут совсем нелишними, хоть по сравнению даже с Украиной или Белоруссией, или с любой страной на постсоветском пространстве сейчас какие-то такие... — Потому что зафиксировали вдруг в рублях... — Я был в курсе.

— И получилось, что смешные, — закончила Данченко. — Такого не было никогда. Почему-то всем с удорожением жизни призовые поднимают, во всех странах мира, и только у нас — опускаются. Вот это, конечно, странно для нашей страны, которая позиционирует себя как не самая бедная... И патриоты все... И олимпийских чемпионов-то у нас не так много... А ценность медали в такой нервной ситуации так возрастает... Ведь как мы готовились... Это отдельная песня... Ведь когда началась вся эта трясучка с Олимпиадой... Когда было просто невозможно заставить себя встать и поехать на работу... Невозможно... Девочки не могли заставить себя прыгать в воду... Не понимали, поедут на Олимпиаду, не поедут... Эта неделя, когда ждали, как решится... А тренироваться-то надо! Мы неделю пропускаем — все, у нас синхрон больше нет! Синхрон полностью уходит... Я вспомнил Юлю Ефимову, которая перестала плавать и искала в Рио бассейны и гостиницы и не находила... — Да. Выиграть Олимпиаду. Плюс еще они же не одолжение кому-то делают, что они вернулись в спорт, медаль завоевали... Нет, это их работа. То есть они каждый день ходят на работу. — То есть Наташа, кроме всего прочего, просто вышла на работу, — понял я.

— И получает за это зарплату, — подтвердила тренер. — Это выбор их работы на ближайшие год-два. — А работа у них — выигрывать Олимпиады, — закончил я.

Все наконец полностью разъяснилось. — Если бы их кто-то поджал в Казани или начались бы разговоры, что они сдадут... Но в Казани они настолько блестяще выступили... Так что в Казани Данченко еще и проверяла их.

— В Казани все специалисты из разных стран говорю, что они настолько круты... — Просто все уже подзабыли, как это может быть... —

— В дуэте, — уточнила Татьяна Данченко. — А если мы настолько крутые, то чего бы еще раз не показать эту крутость?

— А когда Наташа сказала вам, что уходит, то... Она же не знала на самом деле, уходит или паузу делает. А если бы пауза затянулась, это означало бы, что она уходит... — Паузу делает, — поправила меня тренер.

— Она хотела забеременеть и родить ребенка — и забеременела. Она в браке уже давно... Она планировала ребенка... К 30 годам уже пора... Она говорит: «Если я не смогу забеременеть до такого-то срока, то я еще год отвыступаю. Если забеременею — ну извините тогда...» — То есть забеременела... — констатировал я.

— И вернулась. Чудеса случаются. Так что и работа, и не только работа... — Я понял про работу. Тем более что другой работы и не было... — Это тоже, кстати... Но можно было пойти в федерацию работать, в судейство... — Мать какая... Не русалочье это дело... У русалок другая мать... В мутной омут... С головой... Дуэтом с кем-то... — Все так, — подтвердила она.

— А вот Фелпс, например. — Да-да, — оживилась она, — Фелпс.

— Он тоже продолжал и продолжал. И за свою работу получал чудовищные деньги. А вы же нет. Вы же боретесь за 4 млн призовых. Это за первое место. И 2,5 млн за второе... Хотя это и не про вас... То есть это история не про деньги для вас уж точно.

— Про деньги тоже, — не согласилась Данченко. — Потому что это спорт-то некоммерческий, и нам эти премии будут совсем нелишними, хоть по сравнению даже с Украиной или Белоруссией, или с любой страной на постсоветском пространстве сейчас какие-то такие... — Потому что зафиксировали вдруг в рублях... — Я был в курсе.

— И получилось, что смешные, — закончила Данченко. — Такого не было никогда. Почему-то всем с удорожением жизни призовые поднимают, во всех странах мира, и только у нас — опускаются. Вот это, конечно, странно для нашей страны, которая позиционирует себя как не самая бедная... И патриоты все... И олимпийских чемпионов-то у нас не так много... А ценность медали в такой нервной ситуации так возрастает... Ведь как мы готовились... Это отдельная песня... Ведь когда началась вся эта трясучка с Олимпиадой... Когда было просто невозможно заставить себя встать и поехать на работу... Невозможно... Девочки не могли заставить себя прыгать в воду... Не понимали, поедут на Олимпиаду, не поедут... Эта неделя, когда ждали, как решится... А тренироваться-то надо! Мы неделю пропускаем — все, у нас синхрон больше нет! Синхрон полностью уходит... Я вспомнил Юлю Ефимову, которая перестала плавать и искала в Рио бассейны и гостиницы и не находила... — Да. Выиграть Олимпиаду. Плюс еще они же не одолжение кому-то делают, что они вернулись в спорт, медаль завоевали... Нет, это их работа. То есть они каждый день ходят на работу. — То есть Наташа, кроме всего прочего, просто вышла на работу, — понял я.

— И получает за это зарплату, — подтвердила тренер. — Это выбор их работы на ближайшие год-два. — А работа у них — выигрывать Олимпиады, — закончил я.

Все наконец полностью разъяснилось. — Если бы их кто-то поджал в Казани или начались бы разговоры, что они сдадут... Но в Казани они настолько блестяще выступили... Так что в Казани Данченко еще и проверяла их.

— В Казани все специалисты из разных стран говорю, что они настолько круты... — Просто все уже подзабыли, как это может быть... —

— В дуэте, — уточнила Татьяна Данченко. — А если мы настолько крутые, то чего бы еще раз не показать эту крутость?

— А когда Наташа сказала вам, что уходит, то... Она же не знала на самом деле, уходит или паузу делает. А если бы пауза затянулась, это означало бы, что она уходит... — Паузу делает, — поправила меня тренер.

В фиолетовых халатах, видит человека в российской форме — и перестают безмятежно ворковать... Замечают, что они дрожат все, и спрашивают одну, холодная ли вода в бассейне.

— Вода холодная, — подтверждает она и перестраивает. — А что? — Ведь не может быть просто холодная вода. Обязательно должна быть холодная вода с подтекстом. И, видимо, политическим.

А вот прошла китайская спортсменка в рабочем голубом купальнике, и через все плавки розовая надпись: «Supergirl»... И возразить на это лаконичное замечание совершенно нечего. Но вот один вопрос: одобряет ли на